

Муму — эпизод 4 из 12

В этом случае, Гаврила Андреич, один мне судья: сам господь бог, и больше никого. Тот один знает, каков я человек на сем свете суть и точно ли даром хлеб ем. А что касается в соображении до пьянства, то и в этом случае виноват не я, а более один товарищ; сам же меня он сманул, да и сполитиковал, ушел то есть, а я...

А ты остался, гусь, на улице. Ах ты, забубённый человек! Ну, да дело не в том, продолжал дворецкий, а вот что. Барыне... тут он помолчал, барыне угодно, чтоб ты женился. Слышишь? Оне полагают, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

Как не понимать-с.

Ну, да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько в руки взять. Ну, да это уж их дело. Что ж? ты согласен?

Капитон ослабился.

Женитьба дело хорошее для человека, Гаврила Андреич; и я, с своей стороны, с очень моим приятным удовольствием.

Ну, да, возразил Гаврила и подумал про себя: Нечего сказать, аккуратно говорит человек. Только вот что, продолжал он вслух, невесту-то тебе приискали неладную.

А какую, позвольте полюбопытствовать?..

Татьяну.

Татьяну?

И Капитон вытаращил глаза и отделился от стены.

Ну, чего ж ты всполохнулся?.. Разве она тебе не по нраву?

Какое не по нраву, Гаврила Андреич! Девка она ничего, работница, смирная девка... Да ведь вы сами знаете, Гаврила Андреич, ведь тот-то, леший, кикимора-то степная, ведь он за ней...

Знаю, брат, всё знаю, с досадой прервал его дворецкий, да ведь ..

Да помилуйте, Гаврила Андреич! ведь он меня убьет, ей-богу убьет, как муху какую-нибудь прихлопнет; ведь у него рука, ведь вы изволите сами посмотреть, что у него за рука; ведь у него просто Минина и Пожарского рука. Ведь он глухой, бьет и не слышит, как бьет! Словно во сне кулачищами-то махает. И унять его нет никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреич, он глух и, вдобавку, глуп, как пятка. Ведь это какой-то зверь, идол, Гаврила Андреич, хуже идола... осина какая-то; за что же я теперь от него страдать должен? Конечно, мне уже теперь всё нипочем: обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок, всё

же я, однако, человек, а не какой-нибудь в самом деле ничтожный горшок. Знаю, знаю, не расписывай...

Господи боже мой! с жаром продолжал башмачник, когда же конец? когда, господи! Горемыка я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаешь! В молодых летах был я бит через немца хозяина; в лучший сустав жизни моей бит от своего же брата, наконец в зрелые годы вот до чего дослужился...

Эх ты, мочальная душа, проговорил Гаврила. Чего распространяешься, право! Как чего, Гаврила Андреич! Не побоев я боюсь, Гаврила Андреич. Накажи меня господин в стенах, да подай мне при людях приветствие, и всё я в числе человеков, а тут ведь от кого приходится...

Ну, пошел вон, нетерпеливо перебил его Гаврила.

Капитон отвернулся и поплелся вон.

А положим, его бы не было, крикнул ему вслед дворецкий, ты-то сам согласен? Изъявляю, возразил Капитон и удалился.

Красноречие не покидало его даже в крайних случаях.

Дворецкий несколько раз прошелся по комнате.

Ну, позовите теперь Татьяну, промолвил он наконец.

Через несколько мгновений Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

Что прикажете, Гаврила Андреич? проговорила она тихим голосом.

Дворецкий пристально посмотрел на нее.

Ну, промолвил он, Танюша, хочешь замуж идти? Барыня тебе жениха сыскала. Слушаю, Гаврила Андреич. А кого они мне в женихи назначают? прибавила она с нерешительностью.

Капитона, башмачника.

Слушаю-с.

Он легкомысленный человек это точно. Но госпожа в этом случае на тебя надеется.

Слушаю-с.

Одна беда... ведь этот глухарь-то, Гараська, он ведь за тобой ухаживает. И чем ты этого медведя к себе приворожила? А ведь он убьет тебя, пожалуй, медведь этакой...

Убьет, Гаврила Андреич, бесприменно убьет.

Убьет... Ну, это мы увидим. Как это ты говоришь: убьет! Разве он имеет право тебя убивать, посуди сама.

А не знаю, Гаврила Андреич, имеет ли, нет ли.

Экая! Ведь ты ему этак ничего не обещала...

Чего изволите-с?

Дворецкий помолчал и подумал:

Безответная ты душа! Ну, хорошо, прибавил он, мы еще поговорим с тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

А может быть, барыня-то завтра и забудет об этой свадьбе, подумал дворецкий, я-то из чего растревожился?